

УДК 811.161.2; 81'373.45
DOI 10.31168/2073-5731.2023.1-2.2.01

Г. П. Пилипенко

**Адаптация заимствованных глаголов из испанского языка
в речи потомков украинских переселенцев
в Южной Америке**

Пилипенко Глеб Петрович
Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: glebpilipenko@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5422-0039

Цитирование

Пилипенко Г. П. Адаптация заимствованных глаголов из испанского языка в речи потомков украинских переселенцев в Южной Америке // Славянский альманах. 2023. № 1–2. С. 193–230. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.2.01

Статья поступила в редакцию 19.08.2022.

Аннотация

В статье обсуждаются модели и стратегии адаптации глаголов, заимствованных из испанского языка в переселенческие диалекты украинского языка в странах Южной Америки. Выделяются модели, при которых испанский глагол заимствуется с испанским инфинитивным показателем и без него. Исследуются причины выбора одной из моделей в речи потомков украинских переселенцев. Устанавливается, что правомерно говорить о совокупности критериев, влияющих на этот процесс (частотность лексем, их семантика, количество слогов и т. д.). В статье определены новые типы адаптации заимствованных глаголов, ранее не отмеченные в лингвистических работах. Анализируются также случаи неадаптированного использования глагольных лексем в речи информантов. Рассматриваются примеры образования видовых пар от заимствованных испанских глаголов. Данная категория находится в процессе грамматикализации. В отдельных случаях при образовании видовой пары при помощи префиксации информанты копируют приставки, свойственные глаголу-прототипу в своем родном диалекте. Также фиксируется копирование глагольного управления как из украинского, так и из испанского языка в случае употребления заимствованного глагола.

На примере существования украинско-испанского билингвизма в условиях переселенческого сообщества на протяжении чуть более века мы имеем возможность наблюдать изменения, которые происходят в славянской глагольной системе под влиянием доминирующего в окружении романского языка.

Ключевые слова

Глагол, адаптация, заимствование, украинский язык, испанский язык, Южная Америка.

1. Введение

В настоящей работе анализируются модели адаптации испанских глаголов, зафиксированных в речи потомков украинских переселенцев в Аргентине и Парагвае. Рассматриваются словообразовательные, морфологические, синтаксические и прагматические аспекты адаптации¹. Корпус обработанных текстов значительный по объему, речь идет о 150 часах интервью, собранных во время проведения полевых исследований с 2015 по 2019 г. от носителей поднестровского, южно-волынского говоров (отчасти также западнополесского говора) юго-западного наречия украинского языка, см. подробнее (Пилипенко 2017), главным образом пожилых людей, которые еще сохраняют язык. Кроме того, привлекается дневник переселенца с Волыни Кирилла Вознюка (далее — К. В.), написанный в 1970-х гг. и содержащий много заимствованных лексем. Этот источник позволяет ввести временную перспективу и посмотреть, какие заимствования использовались переселенцами первого поколения. Испанские глаголы в речи украинцев отбирались также из работы С. А. Рызванюка (Рызванюк 1974), материал для которой собирался в 1970-е гг., что дает нам возможность сопоставить наши собственные данные с записями устной речи полувековой давности от первого поколения мигрантов². Для типологического сопоставления привлекаются наши материалы интервью с носителями русских,

---

¹ Фонетическая адаптация на примере устных и письменных источников обсуждается в (Пилипенко 2021).

² Среди наших информантов преобладают информанты второго, третьего и четвертого поколения. Несколько интервью записано собеседниками, которых можно было бы назвать первым поколением, однако они переселялись в Аргентину и Парагвай вместе с родителями в очень раннем возрасте и в школу пошли уже в странах Южной Америки.

белорусских и польских говоров, проживающими в Аргентине, Парагвае и Уругвае, а также работы по языку потомков чешских (Halaštová 2021) и немецких переселенцев с Волги (Ladilova 2012). Данные немецкого языка оказываются особенно ценными, поскольку позволяют выявить в языке неславянской группы, находящемся в контакте с испанским, сходные и отличающиеся модели адаптации испанских глаголов при сопоставлении со славянскими языками.

Особенности заимствований из испанского языка в речи восточнославянских сообществ Южной Америки до сих пор пристально не рассматривалась лингвистами. Единственным исключением можно назвать упоминавшуюся выше работу С. А. Рызванюка, в которой анализируется адаптация разных частей речи, в том числе и глаголов, из испанского языка в речи украинских трудовых мигрантов в Аргентине. Частично эти вопросы рассматриваются в (Пилипенко 2021).

Сведения об украинских сообществах в странах Южной Америки можно найти преимущественно в работах исторической и антропологической тематики (Сапеляк 2008; 2010; Cірко Lehr 2000; 2006; Цірко 2013). Исследователи выделяют несколько волн миграции и определяют зоны их расселения (Цірко 2013: 203). Первая волна переселения приходится на конец XIX в., когда большинство составляли выходцы из украинских земель, находившихся в составе Австро-Венгрии, прежде всего из Галиции. Расселялись они на юге провинции Мисьонес, центром этой миграции считается город Апостолес. В межвоенный период наряду с продолжающейся миграцией из Галиции прибывает большое число выходцев с Волыни и западных областей Белоруссии, которые в то время находились в составе Польши. Эти мигранты поселяются в центральных и северных районах Мисьонеса, а также в соседнем с Аргентиной Парагвае. В первые две волны переселения приезжают в основном крестьяне и рабочие, происходит трудовая миграция. Некоторое количество мигрантов прибывает после окончания Второй мировой войны. Новый приток миграции связывается с распадом СССР, когда в Аргентину приезжают мигранты практически из всех регионов Украины. При проведении полевых исследований нас интересовали представители первой довоенной и второй межвоенной волны миграции, поскольку они проживают компактно, в том числе в сельских районах, занимаются сельскохозяйственной деятельностью, имеют свои небольшие предприятия, у них уже прошли первичные стадии адаптации, у второго и последующего поколений наблюдается утрата языка. Можно констатировать, что передача языка молодому поколению сейчас практически не фиксируется.

Специфике глагольной адаптации с типологической точки зрения посвящает свою работу Э. Моравчик (Moravcsik 1975), которая утверждает, что глагол вербализируется уже в языке-реципиенте, а первоначально заимствуются имена. Особенности адаптации заимствованных глаголов в языках мира подробно освещаются в монографии Я. Вольгемута (Wohlgemuth 2009). Автор выделяет следующие стратегии: прямое включение (*direct insertion*), когда глагол адаптируется без каких-либо показателей; не прямое включение (*indirect insertion*), когда глагол адаптируется с использованием особых показателей, например, вербализаторов; использование так называемых «легких глаголов» (*light verb strategy*) (например, «делать»), которые сочетаются с заимствованными глагольными формами; вставка парадигмы (*paradigm insertion*), когда заимствованный глагол функционирует в языке-реципиенте со свойственными ему флексиями из языка-донора. Следует отметить, что примеров на адаптацию глаголов, заимствованных из славянских языков (помимо русского), в этой работе приводится немного. Типологию заимствованных глаголов также находим в (Muysken 2000: 184–220). Изучению особенностей адаптации заимствованных глаголов на примере разных языковых ситуаций в последнее время посвящаются многочисленные публикации. Приведем лишь некоторые значимые работы, в которых на первый план выходит контактирование неродственных языков. Так, в статье (Морозова, Русаков 2021) изучается интеграция глаголов из албанского языка в славянских идиомах Албании, в (Arkhangelskiy 2019) исследуется адаптация в удмуртском языке глаголов, заимствованных из русского языка. В диссертации (Bittar Prieto 2021) анализируются глагольные заимствования из испанского языка в языке гуарани в Парагвае. Р. Бенаккьо обращается к проблеме интеграции заимствованных глаголов из итальянского языка в контактной словенско-романской зоне — в резьянском диалекте словенского языка (Бенаккьо 2018). В. В. Баранова на примере монгольских языков показывает специфику адаптации глаголов из окружающих языков, прежде всего из русского и китайского (Баранова 2020). В работах по описанию переселенческих говоров исследователи также уделяют особое место вопросам интеграции заимствованных глаголов в систему принимающего языка, как, например, в диссертации о языке ингерманландских переселенцев в Сибири (Сидоркевич 2014: 322–323). В частности, автор утверждает, что основная функция русских глаголов, которые получают морфологическое оформление, — заполнение лексических пробелов (Там же: 323).

2. Модель адаптации от испанского инфинитива

В корпусе украинских текстов нам удалось обнаружить несколько типов адаптации испанских глаголов. Первую стратегию можно назвать «стратегией адаптации от глагола с инфинитивным показателем»: за основу берется испанский инфинитив, к которому в украинском языке при помощи тематических гласных (поскольку испанские инфинитивы оканчиваются на согласный) присоединяется показатель инфинитива в исследуемых переселенческих украинских говорах (-*mi*, -*mb*). Приведем примеры из наших записей:

№	Пример от информанта	Перевод на русский	Испанский глагол	Информант
1.1	v'in molótsij, v'in máje <i>respetáryty</i> mené ³	он моложе, он должен меня уважать	<i>respetar</i> 'уважать'	(Л-А., К.)
1.2	péro čérys tógo pál'c'a <i>deskartáryly</i> mené	но из-за этого пальца меня исключили	<i>descartar</i> 'исключать'	(Г., А. М.)
1.3	tut jak vuný <i>aguantáryly</i> , ny znáju, ny buló durógiw	как тут они выдержали, я не знаю, не было дорог	<i>aguantar</i> 'выдерживать'	(О., М. Б.)
1.4	dóctor káže, e, grájite l'oter'iju, káže, porké ot týs'aču odné <i>sal'váryt</i> , a vy <i>sal'váryly</i> ws'u fam'íl'iju, káže	доктор говорит, вы играете в лотерею, говорит, потому что из тысячи один спасает, а вы спасли всю семью, говорит	<i>salvar</i> 'спасать'	(Э., П.)
1.5	góst'i <i>atendéryly</i>	гостей принимали	<i>atender</i> 'обслуживать, принимать'	(Л-А., К.)
1.6	jak zrubýty šob <i>mantenéryty</i> ?	как сделать, чтобы поддерживать?	<i>mantener</i> 'поддерживать'	(О., Н. В.)
1.7	to i xut'iw by <i>tradus'iryty</i> to	и я хотел бы это перевести	<i>traducir</i> 'переводить'	(О., Н. В.)

В приведенных примерах можно наблюдать функционирование адаптированных глаголов, образованных от испанских глаголов всех

3 При транскрибировании украинских текстов принята запись на основе латиницы.

трех спряжений: с исходом на *-ar* (*respetar, descartar, aguantar, salvar*), *-er* (*atender, mantener*), *-ir* (*traducir*). При интеграции этих глаголов в глагольную систему рассматриваемых говоров украинского языка показатель инфинитива не устраняется, а составляет часть основы уже заимствованного глагола. Происходит, с одной стороны, десемантизация инфинитивного окончания, что и отмечает Я. Вольгемут для подобных случаев: при копировании полной формы инфинитива язык-реципиент воспринимает инфинитивный показатель как неотъемлемую часть заимствованной основы (Wohlgemuth 2009: 80). С другой стороны, если подходить формально, с точки зрения словообразовательных процессов в обоих языках, наблюдается «удвоение» инфинитивных окончаний в самих переселенческих говорах, когда к показателю испанского инфинитива прибавляется показатель украинского инфинитива (*manten-er — mantenér-ytu*). Ударение во всех случаях падает на тематический гласный испанского инфинитива, что, по мнению С. А. Рызванюка, создает ощущение большей связи с испанским прототипом (Рызванюк 1974: 75). Украинский исследователь также пишет, что образование глаголов от испанских инфинитивов является характерной особенностью разговорной речи в отличие от письменной, языка прессы (Там же: 74). Тематический гласный в приводимых примерах везде *-y*.

Если говорить о количественных параметрах, то глаголов на *-ar*, адаптируемых таким способом, в нашем корпусе гораздо больше: всего зафиксировано 30 глаголов, что составляет 79 % от общего числа. Три глагола образованы от инфинитивов на *-er*, 5 — от инфинитивов на *-ir*. В материалах С. А. Рызванюка обнаруживаем также преобладание глаголов, образованных от инфинитива на *-ar*: 75 примеров (83,33 %) против 9, образованных от инфинитива на *-ir*, и 6 инфинитивов на *-er*; при этом процентное отношение примерно совпадает (в обоих случаях глаголов на *-ar* — около 80 %)⁴. Ниже представлены случаи из (Рызванюк 1974), в том числе содержащие глаголы, совпадающие с глаголами из наших примеров (*salvar* (2.1), *atender* (2.2)), что может свидетельствовать в пользу устоявшегося характера подобных образований в речи потомков мигрантов, поскольку они функционируют у представителей разных поколений и на протяжении как минимум полувека.

---

4 Такие данные могут объясняться как большей распространенностью данной модели адаптации от глаголов на *-ar*, так и большим числом таких глаголов в самом испанском языке.

2.1	все ж таки його <i>сальварили</i> ⁵	все же его спасли	<i>salvar</i> ‘спасать’	(Ризванюк 1974: 273)
2.2	з ними ми <i>атендеримо</i> чотирнадцять верстатів	с ними мы обслуживаем четырнадцать станков	<i>atender</i> ‘обслуживать’	(Ризванюк 1974: 200)
2.3	телеграму я не <i>ресібірила</i>	телеграмму я не получила	<i>recibir</i> ‘получать’	(Ризванюк 1974: 271)

В дневнике К. В. обнаруживается 6 глаголов, образованных по этой модели, из них пять — от инфинитивов на *-ar* и один — на *-ir*, что также подтверждает большую распространенность этой модели адаптации от глаголов на *-ar*.

3.1	почали <i>подарити</i> чай ⁶	начали обрезать чай	<i>podar</i> ‘обрезать’	(Пилипенко 2021: 388)
3.2	лідю <i>асалтарили</i>	на Лиду напали	<i>asaltar</i> ‘нападать’	(Пилипенко 2021: 390)
3.3	замість <i>продусірити</i>	вместо того чтобы производить	<i>producir</i> ‘производить’	(Пилипенко 2021: 398)

В приводимых выше случаях речь идет о невозвратных глаголах. В корпусе анализируемых высказываний нам встретились также возвратные глаголы (см. ниже), которые образуются по той же модели с прибавлением возвратной частицы *-s'a*, *-s'*, *-s'i* (в зависимости от исходной диалектной основы). В дневнике К. В. возвратных глаголов, образованных по данной модели, не обнаружено.

4.1	ny xóču vas, e, šob vy ny <i>ofendérylys'</i>	я не хочу вас, э, чтобы вы обиделись	<i>ofenderse</i> ‘обижаться’	Л-А., Каз.
4.2	ja <i>opyrárylas'</i> na tévo yóko	я делала операцию на этот глаз	<i>operarse</i> ‘делать операцию’	Л-А., К.
4.3	jak prujdé portóna malóyo i wže vunó <i>aktiváryc'a</i>	как пройдет маленькую дверь, уже оно активизируется	<i>activarse</i> ‘активироваться’	Л-А., М.
4.4	pérša škóla šo, de ja rubýw i <i>xuvilárywša</i> ⁷	первая школа, где я работал и где вышел на пенсию	<i>jubilarse</i> ‘выходить на пенсию’	О., Н. В.

5 Запись приводится в соответствии с оригиналом в (Ризванюк 1974).

6 Примеры приводятся в авторской орфографии К. В.

7 Произношение возвратной частицы у данного информанта объясняется его индивидуальными артикуляционными особенностями.

4.5	я <i>асомбрарилась</i> , коли в Москві побачила знайомих	я удивилась, когда в Москве увидела знакомых	<i>asombrarse</i> 'удивляться'	(Ризванюк 1974: 200)
4.6	вони <i>касарились</i> вже в Аргентині	они поженились уже в Аргентине	<i>casarse</i> 'выходить за-муж / жениться'	(Ризванюк 1974: 232)
4.7	якраз тут <i>чокарились</i> дві машини	как раз тут столкнулись две машины	<i>chocarse</i> 'сталкиваться'	(Ризванюк 1974: 293)

Образованию подобных глаголов способствует изоморфизм возвратных глаголов в испанском и украинском языках: например, исп. *ofend-er-se*, укр. исп. *ofend-er-yty-s'*; укр. *ображ-ати-ся* 'обижаться'. Возвратная частица может отделяться от глагола и располагаться на удалении от него, что сближается с функционированием этой частицы в западных диалектах украинского языка, в частности, в поднестровском, носители которых являются предками переселенцев первой и второй волны миграции из Галиции (АУМ 1988: 359).

Еще одной особенностью, на которую следует обратить внимание, является тематический гласный, который располагается между испанским и украинским показателями инфинитива. В анализируемых выше случаях и в большинстве примеров корпуса это гласный *-u-*. В соответствии с этим все глаголы данной модели будут изменяться по второму спряжению, ср. *я консидерару її за свою дочку* («я считаю ее своей дочкой») от исп. *considerar* 'рассматривать, считать' (Ризванюк 1974: 238); *що-небудь калентарить* («что-нибудь разогревает») от исп. *calentar* 'подогревать, разогревать' (Там же: 227). Однако среди выявленных заимствованных глаголов можно найти такие, в которых выступает тематический гласный *-a-*.

5.1	ws''o <i>polvorisarajut</i> báʏac'ko	все опрыскивают много	<i>polvorisar</i> 'распылять, опрыскивать'	Г., М. М.
5.2	<i>jak torméнта my</i> <i>pulyvájim i palmerity</i> <i>šo bát'uš'ka</i> <i>bendesiraje</i>	когда непогода, мы поливаем веточки пальмы, которые батюшка благословляет [сжигаем]	<i>bendecir</i> 'благословлять'	О., Ч.
5.3	<i>tak šukály i rubýly</i> <i>šob mantenératy</i> <i>tradysjón</i>	так искали и делали, чтобы поддерживать традицию	<i>mantener</i> 'поддерживать'	О., Ч.

5.4	to vós'im'is'at l'it <i>kumplírala</i>	восемьдесят лет мне исполнилось	<i>complir</i> 'исполнять'	О., Т. М.
5.5	<i>záwše toj šo nal'eváje</i> <i>máje servíraty es</i> <i>cierto</i>	всегда тот, кто наливает, должен подавать, это правда	<i>servir</i> 'обслуживать'	О., Ч. П.
5.6	<i>i ws'i festexárajut</i> ', <i>xto xóčy</i>	и все празднуют, кто хочет	<i>festejar</i> 'праздновать'	О., Г. Б.
5.7	<i>woný slúxajut do</i> <i>mené, respetárajut</i>	они слушают меня и уважают	<i>respetar</i> 'уважать'	А., А. П.
5.8	<i>ty mené ny</i> <i>upxudérajíš</i>	ты меня не проведешь	<i>joder</i> 'использовать кого-то, насмехаться' (груб. разг.)	О., Ю.

В примерах с глаголами *mantener-a-ty* (5.3) и *servir-a-ty* (5.5) можно увидеть тематический гласный *-a-* после испанского показателя инфинитива перед украинским показателем. Мы наблюдаем изменение глаголов в настоящем времени по первому спряжению, где этот гласный выступает перед окончанием; в приводимых примерах также представлены формы глаголов в прошедшем времени (5.4). Стоит отметить, что среди заимствованных глаголов данной модели у С. А. Рызванюка тематический гласный *-a-* не встречается, хотя в наших примерах он обнаруживается часто. Поскольку мы фиксируем глаголы как с тематическим гласным *-у-*, так и с тематическим гласным *-а-*, в том числе от одних и тех же основ, возникает вопрос, какова закономерность их появления. Возможно ли усматривать видовое противопоставление, когда в идиолекте одного информанта сосуществуют обе модели образования? Тогда можно было бы предположить наличие видовых пар по типу укр. *вивчити* — *вивчати*, *ступити* — *ступати*, *заявити* — *заявляти*, в которых глаголы с гласным *-у-* являются глаголами СВ, тогда как глаголы с гласным *-а-* — НСВ. Таким образом, *mantenér-y-ty* (1 л. ед. ч. *mantenéru*) соответствовал бы глаголу СВ («поддержать»), а *mantenér-a-ty* (1 л. ед. ч. *mantenérajú*) — глаголу НСВ («поддерживать»). Однако существующих примеров очевидно недостаточно для подобного заключения, с этой целью нужно проводить отдельное специальное обследование. О видовом противопоставлении заимствованных глаголов см. также раздел 10.

В терминологии Я. Вольгемута рассматриваемую модель адаптации можно отнести как к «прямому включению», когда глагольный

показатель присоединяется непосредственно к заимствованному элементу, так и к «непрямому включению», когда между заимствованным глаголом и глагольным показателем имеются другие элементы. Двойственность подобной трактовки заключается в статусе тематических гласных (в нашем случае *-a-*, *-y-*): считать ли их частью инфинитивного показателя или отдельным элементом? Т. Архангельский затрагивает эту проблематику на материале глагольных заимствований в ситуации удмуртско-русского языкового контакта (Arkhangelskiy 2021: 523–524): исследователь полагает, что случаи адаптации с тематическими гласными, которые обладают немотивированной семантикой, будут считаться прямым включением. Я. Вольгемут, приводя в пример адаптацию английского глагола *to film* в итальянском языке – *filmare*, — относит гласный *-a-* к показателям глагольного класса, а сам случай — к прямому включению (Wohlgemuth 2009: 92).

Подобный способ образования глаголов характерен также для переселенческого южнорусского говора в Уругвае, фиксируется он и в русском говоре старообрядцев-часовенных:

6.1	а сяс назна <i>дупликарились</i> , там уже назна тоже дюже много ⁸	а сейчас, наверное, увеличилось вдвое, там уже, наверное, тоже очень много	<i>duplicarse</i> ‘удваиваться’	С-Х., Г. К.
6.2	а потом оне <i>попильярились</i> мы с имя, а оне нас <i>аттахарили</i> и опеть начали <i>пильярить</i>	а потом они подрались мы с ними, а они нас поймали и опять начали драться	<i>pelear(se)</i> ‘драться’, <i>atajar</i> ‘ловить’	(Ровнова 2022: 52)

Удивительно, что в материалах из речи чехов в аргентинской провинции Чако не обнаружено такого способа адаптации глаголов (см. подробнее Nalaštová 2021: 90)⁹, тогда как в немецком языке поволжских немцев в Аргентине (как и в украинских примерах) он является

⁸ Примеры из русского языка в нашем корпусе приводятся в орфографической записи с отражением некоторых наиболее ярких фонетических изменений.

⁹ На наш взгляд, это утверждение автора требует дополнительной проверки на материале чешского языка, находящегося в контакте с испанским в странах Южной Америки, поскольку модель образования глаголов от испанских инфинитивов отмечается в славянских и неславянских языках региона.

одним из распространенных. Приведем примеры из немецких материалов: в форме инфинитива – *apoyaren* (< исп. *apoyar* ‘поддерживать’), в форме причастий – *extrañart* (< исп. *extrañar* ‘скучать’), *salvart* (< исп. *salvar* ‘спасать’), *unidos sentirt* (< исп. *sentir* ‘чувствовать’), в форме наст. вр. – *sich jubilarre will* (< исп. *jubilarse* ‘выходить на пенсию’) (Ladilova 2012: 177). По последнему примеру видно, что возвратные глаголы образуются в полном соответствии с правилами немецкого языка. Следует отметить, что в немецком языке этот способ конкурирует с типичной для него моделью адаптации иноязычных глаголов (данные глаголы имеют показатель *-ieren*): *aprovechiert* (< исп. *aprovechar* ‘использовать’), ср. также (Wohlgemuth 2009: 230–231). Интересно, что в языке гуарани, находящемся в контакте с испанским, используется «сокращенная» форма испанского инфинитива без конечного *-r* (Ibid.: 81) в качестве базовой основы для дальнейшего глагольного образования. Подобная модель характерна и для других языков Южной Америки, находящихся в контакте не только с испанским, но и с португальским (Ibid.: 171). Такие примеры наводят на мысль об универсальном характере образования адаптированных глаголов от испанского инфинитива.

3. Модель адаптации с суффиксом *-ова-/-ува-*

Распространенным способом адаптации испанских глаголов является присоединение суффикса *-ова-/-ува-* к испанской основе глагола без инфинитивного окончания *-ar, -er, -ir*.

7.1	my pusadýly ž'érbu na tómu m'isc'i, i kos'icújemo ž'érbu	мы посадили йерба мате на том месте, и теперь собираем урожай	<i>cosechar</i> ‘собирать урожай’	Г., А. М.
7.2	jak tútaj zvonýty to týko točovó número, markújte	если тут звонить, то только этот номер, записывайте	<i>marcar</i> ‘записывать’	О., Э. Ф.
7.3	tud'í jak užé, e, regal'uvály muludím	тогда когда уже, э, дарили подарки молодым	<i>regalar</i> ‘дарить’	Л-А., К.
7.4	to vuná beré i karýuje na kamjóny totó	и она берет и грузит на грузовики это	<i>cargar</i> ‘грузить’	О., Г. Б.
7.5	mujá žyná máje s'imnácyt' e, šo alkel'úje pjésu	у моей жены семнадцать [нанимателей], кто арендует комнату	<i>alquilar</i> ‘арендовать’	О., Г. Б.

7.6	zajíxaw w port Brazyl'ju to <i>karguwáw banány</i>	[корабль] зашел в порт в Бразилию и грузил бананы	<i>cargar</i> 'грузить'	О., Н. Вас.
7.7	woný <i>kubríjut</i> mil peso' por cada criatura	они получают тысяче песо за каждого ребенка	<i>cobrar</i> 'получать деньги'	А., А. П.
7.8	to tam <i>p'intújut</i> , pýsanky róbl'at'	и там раскрашивают, делают пасхальные яйца	<i>pintar</i> 'рисовать'	О., Т. М.

Во всех примерах без исключения глаголы образованы от испанских инфинитивов на *-ar*. В материалах С. А. Рызванюка также численно преобладают образования от основ инфинитивов на *-ar*, обнаруживается всего четыре примера от других основ. Однако утверждать, что испанские глаголы с инфинитивом на *-ar* чаще адаптируются при помощи суффиксов *-ова/-ува-*, мы с уверенностью не можем, поскольку таких глаголов в принципе больше употребляется в устной испанской речи¹⁰.

9.1	мабуть вже <i>арепентувався</i> що так зробив	может быть, он уже пожалел, что так сделал	<i>arrepentirse</i> 'жалеть о чем- то'	(Ризванюк 1974: 198)
9.2	<i>інтервенювати</i> в конфлікті	вмешаться в конфликт	<i>intervenir</i> 'вмешиваться'	(Ризванюк 1974: 225)
9.3	вони <i>компроміту-</i> <i>вались</i> не виступати на страйк	они обязались не бастовать	<i>comprometerse</i> 'обязаться'	(Ризванюк 1974: 237)
9.4	управа фабрики ... недавно <i>суспендувала</i> усіх своїх робітників	управление фабрики ... недавно уволило всех своих рабочих	<i>suspender</i> 'прекращать, увольнять'	(Ризванюк 1974: 281)

Из приводимых примеров только первый зафиксирован в устной речи информанта, остальные три взяты из аргентинской украиноязычной прессы. С. А. Рызванюк утверждает, что образование глаголов с указанным суффиксом больше характерно для официального стиля речи, в том числе для языка прессы (Ризванюк 1974: 73). Их большая степень адаптации к славянской языковой системе проявляется в том, что ударение падает на украинский глагольный суффикс, тогда

¹⁰ Данное заключение мы сделали исходя из статистики употребления глаголов в нарративах наших информантов на испанском языке.

как при использовании первой модели адаптации ударение приходится на испанские показатели инфинитива (Там же). Относительно легкая интеграция по данной модели поддерживается, с одной стороны, распространенностью этого способа при включении иноязычных глаголов в украинский язык (СГРУЯ 2003: 358), с другой стороны, наличием в польском языке подобной модели адаптации иноязычных глаголов и заимствованием их в свою очередь из польского языка в говоры украинского языка¹¹ (ср. пол. *molestować* ‘беспокоить’, *kompromitować* ‘компрометировать’, которые могут служить прототипом для оформления глаголов, образованных от исп. *molestar*, *comprometerse*). В ситуации украинско-английского языкового контакта в Канаде заимствованные глаголы также адаптируются при помощи этого суффикса: *я киную капусту* («я мариную капусту») (< англ. *to kin* ‘мариновать’), *ти мусиш поклінувати собі шуси* («ты должен почистить себе ботинки») (< англ. *to clean* ‘чистить’) (Struk 2000: 74). Кроме того, этот суффикс фиксируется при славянско-албанском билингвизме (Морозова, Русаков 2021: 120), где он, однако, поддерживается определенными глагольными формами в самом албанском языке, что облегчает их вхождение. Об этом способе адаптации заимствованных глаголов в русском языке пишет Я. Вальгемут (Wohlgemuth 2009: 57), при этом он относит суффикс *-ova-* к вербализаторам, таким образом показывая, что речь идет о «непрямом включении». Подобные же случаи находим у П. Мэйскена (Muysken 2000: 195).

Обратим также внимание, что возвратные глаголы образуются так же, как и в предыдущей модели: возвратная частица следует после украинского глагольного суффикса. Изменяются эти глаголы в украинском языке по первому спряжению. Что касается распространенности данного вида глагольной адаптации, то следует обратиться к анализу частотности употребления подобных глаголов. На примере идиолекта К. В. мы можем наблюдать, что наиболее часто используемые им заимствованные глаголы адаптированы при помощи суффикса *-ова-/ува-*. Так, глагол *косічо/увати* (< исп. *cosechar* ‘собирать урожай’) и производные от него глагольные формы употреблены 14 раз, *плянтувати* (< исп. *plantar* ‘сажать’) — 7 раз, *коумпано/увати* (< исп. *acompañar* ‘сопровождать’) — 4 раза, *ранкувати* (< исп. *arrancar* ‘запускать, заводить двигатель’) — 3 раза (Пилипенко 2021: 375, 377, 381, 383). Остальные

¹¹ Многие информанты первого поколения мигрантов владели польским языком. Речь идет прежде всего о мужчинах, которые служили в польской армии.

глаголы употребляются гораздо реже, в том числе глаголы, образованные по первой модели, фиксируются в единственном употреблении. Возможно, данная модель для самых частотных глаголов выбирается в идиолекте переселенцев и их потомков как наиболее близкая распространенная в украинском языке при адаптации иноязычных глаголов. Для украинцев важной сферой деятельности является сельское хозяйство, поэтому глаголы, связанные с этой сферой, становятся наиболее частотными из тех, которые адаптируются по описываемой модели. Менее частотные глаголы будут скорее адаптироваться по первой модели. Однако здесь мы можем говорить больше о тенденции (с возможными отступлениями) в идиолекте каждого отдельного информанта, чем о четком правиле¹². Анализ интервью с сыном К. В. также подтверждает эту тенденцию: глаголы *kusyčuvaty*, *pl'antuvaty*, относящиеся к сельскому хозяйству, употреблены с украинским суффиксом, тогда как все остальные глаголы адаптируются по первой модели (Пилипенко 2021: 476). У других информантов такими частотными глаголами оказываются *kubruvaty* (< исп. *cobrar* 'получать деньги'), *brutuvaty* (< исп. *brotar* 'расцветать, прорасти'). Первый относится к экономической деятельности, второй — к сельскому хозяйству.

Вместе с тем С. А. Рызванюк отмечает и смешение типов адаптации, когда от одного испанского глагола в украинском языке переселенцев образуются глаголы по разным моделям (в его материалах обнаруживается 14 таких глаголов). Интересно, что эти разные типы иллюстрируются примерами от разных информантов, то есть можно предположить, что в одном идиолекте адаптация глаголов по разным моделям крайне редка. Если же рассматривать примеры смешения адаптационных моделей отдельно в речи каждого из информантов, то окажется, что у пяти из них (см. табл. 1) обнаруживается только один доминирующий тип без исключений (например, информант А. Р. использует только модель образования от инфинитива, А. К. — с использованием украинского суффикса), тогда как в речи четверых находим конкурирующие модели (например, А. А. два раза употребил глагол, образованный от основы с показателем испанского инфинитива, и один раз глагол, образованный с украинским суффиксом). В нашем корпусе устных текстов, а также в дневнике К. В. смешение типов адаптации не обнаруживается.

---

¹² С другой стороны, в южнорусском говоре Уругвая мы встречаем глагол, оформленный по первой модели: *они ни селую неделю не попогуляли, не покосечарили* (С-Х., Д. К.).

Для нас остается пока открытым вопрос, влияет ли грамматическая форма глагола на тип модели адаптации. Отметим, что глаголы в повелительном наклонении (форма 2 л. ед. ч.) встречаются один раз в нашем корпусе (*markujte* < исп. *marcar* 'записать') и один раз в материалах С. А. Рызванюка (*афлохуй* < исп. *aflojar* 'ослабить') (Рызванюк 1974: 201); эти глаголы присоединяют исключительно суффикс *-ова/-ува-*. Ниже приведем таблицу частотности грамматических форм по устному корпусу и дневнику К. В.

Таблица 1. Зависимость модели адаптации от выбора грамматической формы глагола

	Устный корпус		Дневник К. В.	
	глаголы от инфинитива	глаголы с укр. суффиксом	глаголы от инфинитива	глаголы с укр. суффиксом
Наст. время	19	14	1	5
Прош. время	24	11	3	17
Инфинитив	10	3	2	8
Повелит. накл.	0	1	0	0
Причастие	0	0	2	0

В таблице подсчитаны все словоупотребления адаптированных глагольных форм. В трех случаях отмечается бо́льшая доля форм прошедшего времени, чем форм настоящего времени: они преобладают в устном корпусе при образовании от испанских инфинитивов, а также в рамках обеих моделей адаптации в идиолекте К. В. Значительное преобладание форм прошедшего времени в дневнике (17 против 5) можно объяснить особенностями жанра и повествовательной структуры источника: автор излагает события, произошедшие за день. В устном корпусе глаголы, образованные при помощи украинского суффикса, чаще употребляются в настоящем времени, однако разница здесь не слишком велика. Вероятно, для установления более четкой корреляции необходимо расширить список глагольных заимствований. На данном этапе можно продемонстрировать лишь некоторые тенденции.

Глаголы, образованные при помощи суффикса *-ова/-ува-*, были зафиксированы нами и в других славянских языках: в польском, в белорусском, в южнорусском говоре в Уругвае, а также в говоре староверов Южной Америки.

10.1	žeby ten, trigo jak? pšen'icy! <i>kosyčovač'</i>	чтобы этот, trigo как? Пшеницу! Собирать	<i>cosechar</i> 'собирать урожай'	А., Ю.
10.2	они, э, <i>практиковали</i> , э тансы	они практиковали танцы	<i>practicar</i> 'практиковать'	М., Б. Д.
10.3	<i>i kas 'ačújuc', ýéto</i> <i>kas 'ačújuc' i z ýétoγo</i> <i>rób'ac' čaj</i>	и собирают, это собирают и из этого делают чай	<i>cosechar</i> 'собирать урожай'	Л., А. Ч.
10.4	<i>загравовать</i>	снять, записать (на аудио)	<i>grabar</i> 'записывать (на аудио)'	(Ровнова 2022: 397)

Интересно, что в языке потомков чешских переселенцев провинции Чако исследователи фиксировали только модель с суффиксом *-ova-*, отмечая при этом, что все они относятся к СВ: *alkiloval sem barák* («я арендовал барак»), исп. *alquilar* «арендовать»; *kúrovali se sami* («вы лечились сами»), исп. *curarse* «лечиться» (Halaštová 2021: 90).

4. Нечастотные модели адаптации

В следующую группу мы включаем маргинальные модели адаптации, которые встречаются в наших материалах всего лишь несколько раз. Они заслуживают внимания, поскольку ранее не были отмечены в исследованиях, в том числе в классификации С. А. Рызванюка.

11.1	<i>šob ny tuwkáty, ny</i> <i>mácaty rukámy, šob</i> <i>kol'óg ny tapíw</i>	чтобы не толкать, не трогать руками, чтобы он цвет не закрывал	<i>tapar</i> 'закрывать'	Л-А., К.
11.2	<i>jak u l'íto, pjatnácyt'</i> <i>šo dvácyt' dniw máje</i> <i>koséčaty</i>	как летом, а летом каждые пятнадцать- двадцать дней должен собирать урожай	<i>cosechar</i> 'собирать урожай'	О., Г. Б.
11.3	зним мало <i>аредля</i> [ε]	с ним немного чинил	<i>arreglar</i> 'исправлять, чинить'	(Пилипенко 2021: 390)
11.4	там иде ты <i>абáxал</i> с дороуи, то Пейсото сделал	там, где ты спустился с дороги, это Пейсото сделал	<i>bajar</i> 'спускать(ся)'	С-Х., С. К.
11.5	<i>токали</i> гопачок	играли гопачок	<i>tocar</i> 'играть (мелодию)'	С-Х., С. К.

В данном случае мы встречаем модель, которую можно назвать «промежуточной» между первой и второй моделью адаптации. Здесь глагольное окончание с тематическим гласным прибавляется к основе испанского глагола без показателя инфинитива и без украинского глагольного суффикса *-ова/-ува-*: *koseč-a-ty*. Отмечены они как в устном корпусе, так и в дневнике К. В. Показательно, что если в рамках двух рассмотренных моделей мы не наблюдали случаев параллельного образования от одного и того же испанского глагола, то здесь мы встречаем один такой пример от наиболее употребительного глагола *cosechar*. Конкуренция при этом будет происходить со способом образования глаголов с украинским суффиксом в идиолекте одного информанта (О., Г. Б.), у которого отмечаются обе формы. Для сравнения мы привели в таблице два примера, записанные нами от потомков южнорусских переселенцев в Уругвае (11.4, 11.5). Отметим, что в корпусе русских текстов из Уругвая эта модель также редко встречается. Что касается тематического гласного, то только в одном случае (11.1) мы находим *-i-* (*tapiw* от глагола *tapar*), во всех остальных *-a-*. Ударение в примерах может приходиться как на основу испанского глагола, так и на тематический гласный. Примеров, которые помогли бы нам понять, является ли этот способ образования неким шагом к развитию бесприставочного видового противопоставления (например, к глаголам с украинским суффиксом, которые могли бы быть глаголами НСВ, а данные глаголы — СВ; напр. *kosyčuvaty* ‘сбирать урожай’, *kosyčaty* ‘собрать урожай’), мы не имеем. Вопрос, считать ли этот гласный суффиксом, остается открытым (как, например, *vinikati*, *направляти*)¹³. Интересно, что в материалах С. А. Рызванюка подобной модели адаптации не выявлено. Также не совсем понятно, по какому типу спряжения изменяются эти глаголы в настоящем времени, так как зафиксированы только примеры их использования в формах инфинитива и прошедшего времени. В резьянском диалекте, который находится в контакте с романскими языками уже несколько столетий, фиксируется именно этот способ образования глаголов: *ačētāt* (ит. *accettare* ‘принимать’), *rivināt* (ит. *rovinare* ‘портить’), *binidyт* (ит. *benedire* ‘благословлять’) (Бенаккьо 2018: 13–14). Эти глаголы принадлежат СВ, и они образуют видовые

13 Также не совсем понятно, является ли здесь *-a-* остаточным явлением от испанской глагольной основы с инфинитивом на *-ar*, либо произошла контаминация этого испанского элемента с тематическим гласным на украинской почве.

пары НСВ с суффиксами *-awa-*, *-iwa-*: *aĉetawat*, *rivinawat*, *binidiwat*, что теоретически закладывает основу на более длительной временной дистанции для подобного развития в других контактных славянско-романских зонах, в том числе и для украинских говоров в странах Южной Америки.

Один нетипичный случай адаптации находим в работе С. А. Рызванюка. Сам исследователь никак не комментирует особенности этого примера.

12.1	у нас допіру не <i>дисфрасаруються</i>	у нас только не наряжаються	<i>disfrazarse</i> 'наряжаться'	(Рызванюк 1974: 216)
------	---	--------------------------------	------------------------------------	-------------------------

Для глагола С. А. Рызванюк восстанавливает инфинитив *дисфрасаритись*. Однако это противоречит тому, что мы находим в качестве иллюстрации употребления 3 л. мн. ч. от глагола *десарожаритись* (исп. *desarollarse* 'развиваться'): *в тих країнах діти десарожаряться хутко* («в тех странах дети развиваются быстро») (Рызванюк 1974: 214). Глагол здесь изменяется по первому спряжению. С большой долей вероятности можно восстановить инфинитив в форме *дисфра-сар-ува-ти-сь*, от которого закономерно образуется та форма, которая приводится в примере. Таким образом, этот глагол будет представлять собой контаминированную форму — сочетать в себе особенности двух моделей адаптации: к испанскому инфинитиву (первая модель) прибавляется украинский глагольный суффикс и возвратная частица (вторая модель). Характерно, что у другого информанта фиксируется этот же глагол, образованный при помощи украинского глагольного суффикса: *хлопці дисфрасуються* («парни наряжаются») (Там же).

Необычный тип адаптации обнаруживается и в дневнике К. В.:

13.1	будиш трохі <i>комеркати</i> , то будиш крешні (20)	будеш мало есть, будеш крешче	<i>comer</i> 'есть'	(Пилипенко 2021: 394)
------	---	----------------------------------	---------------------	--------------------------

Здесь мы можем наблюдать, как к испанскому глаголу с показателем инфинитива прибавляется элемент *-к-*, после которого следует тематический гласный и показатель инфинитива в украинском языке. Этот единичный пример, по всей вероятности, отражает особенности идиолекта автора дневника, который таким образом хотел привнести экспрессивный оттенок в значение глагола.

14.1	на <i>кардавою</i> що поттібіне на дорогу ¹⁴	нагружают, что необходимо в дорогу	<i>cargar</i> ‘грузить’	(Пилипенко 2021: 396)
------	--	---------------------------------------	-------------------------	--------------------------

Также единичный пример (14.1) из дневника К. В. может иметь в качестве инфинитива формы *накаргоувати* либо *накаргавати*. Однако в первом случае мы получим форму 1 л. ед. ч. *накарговую*, что не соотносится с указанным примером.

Необычный случай адаптации обнаружен в интервью с информантом Н. В.:

15.1	<i>péro ja хот'íw by zabráty šob myn'í straduktyryly</i>	но я хотел бы забрать, чтобы мне перевели	<i>traducir</i> ‘переводить’, <i>traductor</i> ‘переводчик’	О., Н. В.
------	--	---	--	-----------

С точки зрения адаптационных моделей он соответствует «стратегии полного инфинитива». Однако вопросы вызывает основа глагола, которая напоминает основу существительного с добавленным показателем испанского инфинитива: *straduktyryty* — *traductor*. Такой случай можно назвать вербализацией по аналогии.

В речи Н. В. до этого два раза встречался глагол *tradus'iryty*, образованный от испанского инфинитива *traducir*. Можно предположить, что на отождествление в языковом сознании информанта испанского глагола и существительного могло повлиять подобие исхода слов: *-ir* (в глаголе) и *-or* (в существительном). В нашем корпусе это единственный случай образования глагола от основы имени существительного, в котором наблюдается процесс вербализации испанских лексических элементов. Связан ли выбор основы существительного с приставочной перфективацией, сказать трудно. У других информантов, когда мы находим приставку *c-* у заимствованных глаголов, глагольная основа не меняется.

Все приводимые случаи глагольной адаптации находятся на периферии, если говорить о частотности моделей, и отражают альтернативные пути освоения глагольной лексики у потомков украинских переселенцев.

¹⁴ Пример приведен в оригинальной записи К. Вознюка, автора дневника.

5. Употребление испанской глагольной формы

Одним из самых распространенных способов интеграции заимствованных глаголов в украинские переселенческие говоры является перенос грамматической формы, характерной для испанского языка. Такие по большей части одиночные вкрапления могут рассматриваться как случаи переключения кода (подробнее о проблеме отнесения подобных явлений к переключению кода или к заимствованию см. в (Морозова, Русаков 2021: 113–116)). Похожее явление Я. Вольгемут именует вставкой парадигмы (Wohlgemuth 2009: 118), однако автор приводит и ограничения: вставкой парадигмы не являются случаи смешения языков, особенно в ситуации угасания языковой активности, когда один язык вытесняет другой (Ibid.: 122–123). Вероятнее всего, одной из причин появления таких форм в речи наших информантов является как раз недостаточная языковая компетенция.

16.1	po išpáns'k'i tóže <i>hablás?</i> ¹⁵	по-испански ты тоже говоришь?	<i>hablar</i> 'говорить'	О., Г. Б.
16.2	<i>myn'i no me interesaba samul'ót</i>	меня не интересовал самолет	<i>interesar</i> 'интересовать'	О., Г. Б.
16.3	<i>idút du cérkvy y rezabamos jak to bulý</i>	они идут в церковь, и мы молились, как это были	<i>rezar</i> 'молиться'	О., М. Б.
16.4	<i>bát'ko, mij čolov'ík, filmaba, ja tup'íro pokázuvala sus'íc'i</i>	отец, мой муж, снимал на камеру, я теперь показывала соседке	<i>filmar</i> 'снимать (на камеру)'	О., П.
16.5	<i>náši muludý náit' slúxaty ny chóčut', jak užé no saben ny šo vuný</i>	наши молодые даже слушать не хотят, как уже они не знают, кто они есть	<i>saber</i> 'знать'	Э., Н. Б.
16.6	<i>trymájemo, a otéc'' naš bendice, i to ws'ó</i>	мы держим, а отец наш благословляет и это всё.	<i>bendecir</i> 'благословлять'	П., О. Х.
16.7	<i>to wže otro modelo, šo my tútka pegamos, báčyš?</i>	это уже другая модель, которую мы тут приклеиваем, видишь?	<i>pegar</i> 'клеить'	П., О. Х.
16.8	<i>ja ne chócu mentir</i>	я не хочу врать	<i>mentir</i> 'врать, лгать'	О., Н. В.

¹⁵ Неадаптированные элементы из испанского языка передаются в традиционной орфографии.

16.9	i xt'iw <i>conocer</i> Misjones	и он хотел посмотреть Мисьонес	<i>conocer</i> 'узнавать, осматривать'	А., А. П.
------	------------------------------------	--------------------------------------	--	-----------

Обратим внимание на то, что присутствуют как формы настоящего времени (причем форма 2 л. ед. ч. соответствует феномену *voseo* (использование местоимения 2 л. ед. ч. *vos* и особых окончаний у глаголов в 2 л. ед. ч.), распространенному в Аргентине (Нарумов 2001: 459)) (пример 16.1), прошедшего времени (имперфект) (примеры 16.2, 16.3, 16.4), также встречаются инфинитивы (16.8, 16.9). При отрицательной форме отрицательная частица также заимствуется из испанского языка (16.2, 16.5). В случае размещения краткой формы личного местоимения между отрицательной частицей и глаголом целый комплекс заимствуется из испанского языка (то же актуально и для возвратных глаголов) (16.2). Такие случаи распространены в устном корпусе, в работе С. А. Рызванюка подобных примеров мы не обнаружили. В дневнике К. В. такие случаи также не отмечены. Отсутствие адаптации у глаголов может быть либо дополнительной стратегией в идиолекте информанта, либо основной, когда отсутствуют другие способы интеграции глагольной лексики. Для двуязычных информантов, следует полагать, такой способ интеграции глаголов является самым легким, поскольку не ставит говорящего перед выбором, по какой модели адаптировать испанское заимствование. Обычно вставка неадаптированного элемента из L2 в L1 влечет за собой полное переключение кода, однако в приведенных случаях такие элементы не провоцируют дальнейшее использование испанского языка. Пример 16.1 примечателен еще тем, что употребление испанского глагола говорения *hablar* призвано подчеркнуть внимание информанта к способности собеседника общаться на испанском языке.

Похожие вставки мы наблюдаем также в ситуации контакта южнорусского говора с испанским языком в Уругвае:

17.1	низины, грязь там, <i>me escapé</i> , не знаю, как меня они не попорезали	низины, грязь там, я сбежал, не знаю, как меня они не порезали	<i>escaparse</i> 'сбегать'	С-Х., Г. К.
------	--	---	-------------------------------	-------------

Широко используется эта стратегия и в ситуации удмуртско-русского языкового контакта (Arkhangelskiy 2021: 527–529). В случае же славянско-албанского билингвизма таких примеров отмечается

немного (Морозова, Русаков 2021: 124), в основном в металингвистических комментариях. Д. В. Сидоркевич, описывая русские глаголы, которые не получают морфологического оформления принимающих ингерманландских говоров, отмечает, что они придают высказыванию особую стилистическую и эмоциональную окраску (Сидоркевич 2014: 323), что проявляется в том числе в изменении интонации.

В пределах одного высказывания у одного информанта данная стратегия может сочетаться с другими моделями адаптации, причем даже в случае, когда употребляется один и тот же глагол.

18.1	ja máju kartočký, jak v'in <i>fil'máraje</i> , i jak na rudýn'i <i>filmaba</i>	у меня есть фотографии, как он снимает, и как в семье снимает	<i>filmar</i> 'снимать на камеру'	О., П.
------	--	---	-----------------------------------	--------

Это наводит на мысль о существовании в сознании информантов сразу нескольких моделей адаптации, к которым они прибегают в ходе построения высказываний в зависимости от целей сообщения, языковой компетенции в конкретной сфере общения и в конкретный момент говорения, собственных лингвистических ассоциаций. При этом все же следует учитывать, что последней стадией включения будет употребление в речи неадаптированных глаголов, так как оно может повлечь за собой переключение кода.

Явление подобного рода — конкуренция между исконным и заимствованным глаголом — может наблюдаться в идиолекте одного информанта, что типологически сближает его с вышеописанным случаем. Можно предположить, что у информантов с низкой языковой компетенцией адаптация испанских глаголов может отсутствовать и замещаться сразу вставкой парадигмы испанского глагола. Ниже приведем пример использования глаголов в одном и том же контексте.

19.1	to <i>karguváw</i> banány / v'in tam maw <i>γruzúty</i> banány	и грузил бананы / он там должен был грузить бананы	<i>cargar</i> 'грузить'	О., Н. Вас.
------	--	--	-------------------------	-------------

В дневнике К. В. мы также находим глагол с этим значением в конкурирующих формах (Пилипенко 2021: 450): *нагружати*, *грузити*, *вгрузити* / *накардавати*; кроме того, конкурирует заимствованный глагол *плантувати* и глаголы с корнем *сад-/саж-*, что позволяет сделать прогнозы, как будет развиваться вытеснение глаголов с тем или иным значением.

5.1. Употребление неадаптированного испанского инфинитива

Некоторой разновидностью данной модели интеграции глаголов можно назвать использование инфинитива вместо согласованных глагольных форм. Ниже приведены примеры из высказываний украинского и белорусского информантов.

20.1	to <i>brindar</i> , na <i>śást'a</i> <i>blayoslovl'ály</i>	это чокаться бокалами (чокались), на счастье, благоговляли	<i>brindar</i> 'чокаяться бокалами'	Э., П. П.
20.2	<i>máju kaválak</i> , tak <i>zavjázano</i> ¹⁶ , n'e <i>mašýnaju</i> . <i>Ÿéto telar</i> , <i>telar</i>	у меня есть кусок, так завязано, не машиной. Это шить (шили), шить	<i>telar</i> 'шить'	Л., А. Ч.

Таких примеров численно гораздо меньше, чем включений согласованных испанских глагольных форм. В самом употреблении инфинитива нет ничего необычного, однако здесь он не согласуется, информанты, по всей видимости, подчеркивают таким образом трудности в своей языковой компетенции и маркируют иносистемный характер данной лексемы выбором инфинитивной формы.

6. Сочетание «робити + имя существительное»

Стратегия, которая обнаруживается только в нашем устном корпусе, представляет собой сочетание украинского глагола *робити* 'делать' и испанского существительного. Данная модель напоминает четвертую стратегию Я. Вольгемута, названную исследователем «стратегией использования легких глаголов». Распространена она во многих языках мира, например, в албанском переселенческом говоре Украины (Морозова, Русаков 2021: 116). Наш случай отличается использованием существительного, а не глагольной формы. Такая конструкция позволяет информанту избежать употребления неадаптированного глагола, не проводить интеграцию испанского глагола в украинский язык, информант также избегает необходимости использовать украинский глагол, который нет возможности вспомнить в момент речи. Подобная стратегия также отмечается при адаптации иноязычных элементов в монгольских языках, хотя там она функционирует наряду с сочетанием глагола *делатъ* с заимствованными

¹⁶ В говоре информанта представлено частичное оканье, аканье не фиксируется в заударной позиции.

глаголами (Баранова 2020: 13). П. Мэйскен рассматривает такие случаи особо и называет их номинализацией, когда заимствованная лексема ведет себя как имя в конструкции «*hacer* + существительное» (Muysken 2000: 206–220).

21.1	zrobúly šob, <i>robúw</i> tu, <i>pozo</i>	они сделали так, чтобы он копал колодец	<i>pozo</i> ‘колодец’	О., Н. В.
21.2	jak nymá tak šob <i>reunión robúty</i>	если нет возможности устраивать собрания	<i>reunión</i> ‘собрание’	О., Г. Б.
21.3	<i>vencimiento robúla, zabubóny tam</i>	она заговаривала, предрассудки там	<i>vencimiento</i> ‘заговор’	О., Г. Б.
21.4	я дуже мало <i>роблю касо</i> мовчу бо знаю що нічого ни поможе	я очень мало обращаю внимание, молчу, потому что знаю, что ничего не поможет	<i>hacer caso</i> ‘обращать внимание’	(Пилипенко 2021: 404)

Отдельно в рамках этой стратегии могут быть рассмотрены явления частичного калькирования глагольных выражений с глаголом *hacer*. Аналогом *hacer caso* ‘обращать внимание’ в идиолекте К. В. является сочетание *робити касо*, с заимствованным именем и калькированным глаголом *робити*.

7. Пропуск глагола

Следующий случай непосредственно не относится к примерам адаптации глаголов, поскольку самого глагола имплицитно нет в высказывании, однако он подразумевается. В данном случае смысловой глагол опущен, но его значение понятно из контекста, его дополнительно уточняет заимствованное испанское существительное. На наш взгляд, пропуск глагола также можно считать одной из стратегий, которую чаще всего используют собеседники с неполной языковой компетенцией, в том числе в случае использования нечастотных глаголов.

22.1	i <i>tóju matryl'jadóroju, tam ...</i>	и этим пулеметом, там [расстрелял]	<i>ametralladora</i> ‘пулемет’	О., Н. В.
------	--	------------------------------------	--------------------------------	-----------

8. Метаязыковые комментарии при глагольных формах

В высказываниях информантов можно найти метаязыковые комментарии, которыми снабжаются заимствованные глаголы. Чаще всего заимствование происходит без подобных указаний, однако таким

образом информанты отмечают, что они осознают чуждый характер этих лексем и что они могут быть непонятны тем собеседникам, которые владеют испанским языком, но не привыкли к «смешанной» речи украинцев в странах Южной Америки. Приведем некоторые примеры:

23.1	nalyvály takú kópku γor'ílki i-i jak to kážut ? se <i>saludaban</i> no, i pós'l'a výrje	наливали такую рюмку водки и, как это говорят? se <i>saludaban</i> , не так ли, и после выпивает	<i>saludarse</i> 'приветствовать друг друга'	Л-А., Каз.
23.2	М. Б.: wže mály kúry, swýn'i, e, <i>krijáryly</i> , jak skazáty ? П.: ruzvódyly	М. Б.: уже у них были куры, свиньи, и, э, <i>krijaryly</i> , как сказать? П.: разводили	<i>criar</i> 'разводить, выращивать'	О., М. Б., П.
23.3	ja polučýw, ja wse polučýw, to ja skubruwáw, a, <i>zafrenuwáw</i> , to znáčyt ' zatormozýw	я получил [деньги], я все получил, это я <i>skubruwaw</i> , а я <i>zafrenuwaw</i> , это значит затормозил	<i>cobrar</i> 'получать деньги', <i>frenar</i> 'тормозить'	А., Н.

Как видно из примеров, комментировать могут как неадаптированные вставки из испанского языка (23.1), так и глаголы, прошедшие адаптацию (23.2). Информанты маркируют эти глаголы вопросами (*как это говорят / сказать?*), которые являются либо показателем собственной недостаточной коммуникативной компетенции, либо непосредственным обращением к более компетентному участнику интервью. Заметны также хезитации, которые выражаются в растягивании гласных, заминках. В нашем случае показательно, что они сопровождают в том числе уже адаптированные глаголы. Еще один тип комментариев характерен для информантов с высокой языковой компетенцией (23.3), которые могут «перевести» адаптированные глаголы на украинский язык. Такие высказывания происходят не спонтанно, а во время разговоров об особенностях речи местных украинцев, то есть на их появление влияет тема, заданная интервьюером.

9. Зависимость моделей адаптации от количества слогов в глаголе

В таблице 2 представлены результаты наших подсчетов, иллюстрирующие выбор модели адаптации глагола в зависимости от количества слогов в испанском инфинитиве (по устному корпусу, материалам С. А. Рызванюка и дневнику К. В.).

Таблица 2. Зависимость модели адаптации от количества слогов в испанском инфинитиве

Кол-во слогов	Устный корпус		Данные С. А. Рызванюка			Дневник К. В.	
	Испанский инфинитив	Суффикс <i>-ova-/-iva-</i>	Испанский инфинитив	Суффикс <i>-ova-/-iva-</i>	Глаголы с двумя моделями	Испанский инфинитив	Суффикс <i>-ova-/-iva-</i>
2	29 %	41,6 %	33,3 %	7 %	7,14 %	16,6 %	14,28 %
3	52,63 %	58,3 %	51,3 %	61,4 %	52,94 %	66,6 %	71,42 %
4	18 %	0 %	15,38 %	31,5 %	21,42 %	16,6 %	14,28 %
Итого	38	12	78	57	14	6	7

В нашем устном корпусе выбор украинского суффикса в качестве модели адаптации несколько более частотен у двусложных слов, тогда как у четырехсложных глаголов он отсутствует. В материалах С. А. Рызванюка данные противоположны: здесь двусложные основы чаще адаптируются по модели полного испанского инфинитива, а четырехсложные глаголы чаще принимают украинский глагольный суффикс. В связи с этими данными нужно сделать одну оговорку: результаты не вполне могут отражать данные устной речи, поскольку С. А. Рызванюк в большой мере привлекал письменные источники, прессу на украинском языке. Исследователь делает вывод, что эта модель чаще используется в официальном стиле. Для всех случаев примерно один и тот же результат (в диапазоне 50–70 %) будут демонстрировать трехсложные глаголы: от них чаще всего и примерно в равной степени адаптируются глаголы по двум моделям. Данные дневника К. В. близки к показателям из устного корпуса, однако и их нужно воспринимать с оговоркой: в каждой группе число адаптированных глаголов невелико — 7 и 6.

Сказать, насколько достоверно отражают эти данные зависимость выбора модели адаптации от количества слогов, мы не можем. Вероятно, их нужно рассматривать во взаимодействии с другими факторами, о которых мы говорили выше (частотность использования конкретных лексем, грамматических форм и т. д.). Существует также возможность того, что эти данные отражают не конкретное использование испанских глаголов в речи украинцев, а частотность использования тех или иных многосложных глаголов в испанском языке. Однако если мы сравним данные по двусложным и трехсложным глаголам (см. табл. 3), мы сможем увидеть определенную тенденцию в выборе модели адаптации, лишенную привязанности к частотности употребления этих глаголов.

Таблица 3. Зависимость моделей адаптации у двусложных и трехсложных испанских глаголов

	Устный корпус		Данные С. А. Рызванюка		Дневник К. В.	
	Испанский инфинитив	Суффикс -ova-/ -uva-	Испанский инфинитив	Суффикс -ova-/-uva-	Испанский инфинитив	Суффикс -ova-/-uva-
Двусложные глаголы	86,6 % (26)	13 % (4)	80 % (20)	20 % (5)	33,3 % (1)	66,6 % (2)
Трехсложные глаголы	38,8 % (7)	61,1 % (11)	53,3 % (40)	46,6 % (35)	50 % (4)	50 % (4)

Двусложные глаголы показывают отчетливую тенденцию выбора модели адаптации от испанского инфинитива в обоих корпусах, тогда как данные по трехсложным глаголам расходятся: в устном корпусе они чаще адаптируются с суффиксом, а в материалах С. А. Рызванюка находим модели образования от испанского инфинитива. Тем не менее разница между ними не достигает тех значений, которые мы наблюдали у двусложных глаголов, а в данных украинского ученого различие между ними совсем небольшое. Материалы дневника К. В. приведены для сравнения, использовать их можно с той оговоркой, что количество примеров небольшое. Тем не менее мы видим, что трехсложные глаголы ведут себя похожим образом: равно предпочитают обе модели. У двусложных наблюдается перевес в сторону использования суффикса.

10. Видовое противопоставление у заимствованных глаголов

Еще один аспект, который мы рассмотрим в этой статье, – это развитие видового противопоставления и выражение способов глагольного действия у заимствованных глаголов. Приведем примеры приставочных глаголов из нашего устного корпуса.

24.1	i puǰhala kul'iktývom, i mené z-opyráriw	и я поехала на автобусе, и меня прооперировали	<i>operar</i> 'оперировать'	Л-А., К.
24.2	na v'is'il'ji zdýbajuc'a, i pu- namorárylys'	на свадьбе встретятся, и влюбятся	<i>enamorarse</i> 'влюбляться'	Л-А., М.
24.3	pósl'a jak prodás' toj tabák, č'i ž'ěrбу, s-kubrújš, rojýdyš' i zaplátyš'	потом, как продашь этот табак или йербу, получишь деньги, поедешь и заплатишь	<i>cobrar</i> 'получать деньги'	Л-А., Ш.

24.4	to po nýn'i m'ix zrubýty, <i>z-gastuváty</i>	и до сих пор мог сделать, потратить	<i>gastar</i> 'тратить'	О., Н. Вас.
24.5	to bát'uška <i>po-bendesiraje</i> , my prybjémo, c'ilyj r'ik trymajimo	и баюшка благословит [ветку пальмы], мы прибуем, целый год держим	<i>bendecir</i> 'благословлять'	О., Ч.
24.6	<i>zára po-vis'itáraje</i> , a w nyd'il'u vže róbl'at' yub'ít	сразу посетит, а в воскресенье уже готовят обед	<i>visitar</i> 'посещать'	О., Т. М.
24.7	i <i>na-kryáraly</i> , tak bába, mujá mamba	и развели [животных], так бабушка, моя бабушка	<i>criar</i> 'разводить'	О., Т. М.
24.8	zakázujem ot, i <i>vy-kobríjim</i> potom s kážnyo ze teje	заказываем вот и потом с каждого берем деньги за это	<i>cobrar</i> 'получать деньги'	Э., П. П.
24.9	i máju tup'iru <i>s-kubruváty</i> yróšej	я должен только получить деньги	<i>cobrar</i> 'получать деньги'	О., Ю.
24.10	c'oj d'át'ko buw péršyj šo <i>na-pl'antuváv</i>	этот мужчина был первый, кто посадил [чай]	<i>plantar</i> 'сажать'	О., Н. В.

Ниже укажем примеры из дневника К. В.:

25.1	хтіли <i>z-аранкувати</i> авто	хотели завести машину	<i>arrancar</i> 'заводить, запускать двигатель'	(Пилипенко 2021: 383)
25.2	міні бракуе мей старой щоб <i>по-кумпанювала</i> пити мату	мне не хватает моей жены, чтобы составила компанию пить мате	<i>acompañar</i> 'сопровождать, провожать'	(Пилипенко 2021: 381)
25.3	бо був мал <i>на-косічовані</i>	потому что был плохо собран урожай [чая]	<i>cosechar</i> 'собирать урожай'	(Пилипенко 2021: 375)

Ниже следуют примеры с приставочными глаголами, взятые из материалов С. А. Рызванюка:

26.1	він <i>z-апровечарився</i> випадком	он воспользовался случаем	<i>aprovecharse</i> 'воспользоваться'	(Рызванюк 1974: 197)
26.2	ми <i>z-арожарили</i> каблі	мы свернули кабели	<i>arrollar</i> 'сворачивать'	(Рызванюк 1974: 198)

26.3	звичайно, <i>з-асустарилась</i>	конечно, испугалась	<i>asustarse</i> ‘пугаться’	(Ризванюк 1974: 200)
26.4	я вже <i>по-</i> <i>калентувала</i> суп	я уже разогрела суп	<i>calentar</i> ‘разогревать’	(Ризванюк 1974: 227)
26.5	<i>с-комунікуватись</i> з центральним комітетом	общаться с центральным комитетом	<i>comunicarse</i> ‘общаться’	(Ризванюк 1974: 237)
26.6	я все <i>з-конфундирила</i>	я уже перепутала	<i>confundir</i> ‘путать’	(Ризванюк 1974: 239)
26.7	я дуже <i>з-костумбра-</i> <i>рилась</i> до неї	я очень привыкла к ней	<i>acostumbrarse</i> ‘привыкать’	(Ризванюк 1974: 241)
26.8	дуже багато <i>з-лімарив</i> я цей зуб в колесі	очень много шлифовал я этот зубец в колесе	<i>limar</i> ‘шлифовать’	(Ризванюк 1974: 244)
26.9	а як треба було <i>по-</i> <i>лучарити</i> за кусок хліба в Парагваї	а как нужно было побороться за кусок хлеба в Парагвае	<i>luchar</i> ‘бороться’	(Ризванюк 1974: 246)
26.10	я міг <i>з-орарити</i> немало	я мог сэкономить немало	<i>ahorrar</i> ‘экономить’	(Ризванюк 1974: 255)
26.11	де ти так <i>по-</i> <i>рахунярилась</i>	где ты так поцарапалась	<i>rasguñarse</i> ‘царапаться’	(Ризванюк 1974: 269)
26.12	треба було <i>по-</i> <i>сударити</i> щоб хоть трохи заробити	нужно было попотеть, чтобы хоть немного заработать	<i>sudar</i> ‘потеть’	(Ризванюк 1974: 280)

Появление приставки у глаголов, независимо от способа их образования в украинском говоре информантов, свидетельствует о сильной степени их интеграции в новую систему, поскольку таким образом появляются дополнительные оттенки значения и намечается видовое противопоставление, по сути, образуются видовые пары. Чаще всего нам встретились глаголы с приставками *з-/с-*, *по-/пу-*, *на-*, *ви-*, *за-* (см. пример 23.3). Наиболее продуктивны в украинском языке видовые приставки *з-*, *в-*, *за-*, *на-* (СГРУЯ 2003: 355–356). По нашим наблюдениям, приставка никак не влияет на выбор модели адаптации глагола, а прибавляется уже к адаптированной лексеме. И наоборот, выбор приставки никак не зависит от адаптационной модели. Иногда наблюдается изоморфизм в выборе приставок с украинским аналогом, как будто говорящий имеет в своем сознании представление о морфемном составе украинского глагола, но вместо этого вводит в речь заимствованный глагол с украинской приставкой, ср. *по-рахуняритись* — *по-дряпатися* ‘поцарапаться’, *по-сударити* — *по-потіти* ‘попотеть’, *по-лучарити* — *по-боротися* ‘побороться’,

za-frenuvaty — *за-тормозити* (*за-гальмувати*) ‘затормозить’. В том, что при присоединении приставки образуется видовое противопоставление, не приходится сомневаться, поскольку на это указывают сами информанты, когда переводят заимствованные глаголы с префиксами на украинский язык (см. высказывание 23.3). Могут ли приставочные глаголы одновременно быть и СВ, и НСВ, предстоит еще выяснить, но очевидна тенденция производить более глубокую адаптацию глаголов, когда различными способами словообразования уже на украинской почве возникает свойственное славянским языкам видовое разграничение, а также появляются дополнительные значения в способах глагольного действия. Подобные приставочные образования обнаруживаются и в переселенческих русских говорах Южной Америки (см. сноску 10, а также пример 6.2). В ситуации контакта режыанского диалекта с романскими языками исследователи отмечают незначительную роль префиксации в процессе грамматикализации глагольного вида у заимствованных глаголов (Бенаккьо 2018: 14), тогда как глаголы германского происхождения склонны к префиксации в большей степени (Там же: 16).

11. Сочетаемость глагольных форм в предложении: калькирование, нарушение согласования

Процесс интеграции заимствованных глаголов не заканчивается выбором той или иной стратегии морфологической адаптации, но также состоит в том, что глагол встраивается в систему синтаксических отношений языка-реципиента. Синтаксические особенности могут либо переноситься из испанского языка, либо повторять свойства украинского глагола-прототипа. Большая часть глаголов в анализируемых корпусах – переходные как в испанском, так и в украинском языках. К сожалению, если встречается непереходный глагол, информанты в устной речи не всегда реализуют все возможные варианты его сочетаемости. Ниже представлены глаголы, которые не являются переходными хотя бы в одном из языков.

27.1	šo užé <i>molestúje</i> ýóči (вин. п.), ср. укр. <i>заважати кому /</i> <i>чому</i> (дат. п.)	что уже мешает глазам	<i>molestar algo</i> ‘мешать кому-то’	Л-А., Каз.
27.2	Pól’s’a jix (вин. п.) <i>domynárylas</i> ’, ср. укр. <i>володіти чим</i> (тв. п.)	Польша ими владела	<i>dominarse</i> ‘господствовать’	Г., А. М.

27.3	<i>i to mnógo t́yxvo okupárylos 'a v́yrl'a</i> (род. п.), ср. укр. <i>займатися чим</i> (тв. п.)	и много тех занималось углем	<i>ocuparse de algo</i> 'заниматься чем-то'	Г., А. М.
27.4	<i>regal 'uvály mludím</i> (дат. п.), ср. укр. <i>дарувати кому</i> (дат. п.)	дарили молодым	<i>regalar a alguien</i> 'дарить кому-то'	Л-А., К.
27.5	<i>vín zaprovечарився</i> випадком (тв. п.), ср. укр. <i>користуватися</i> <i>чим</i> (тв. п.)	он воспользовался случаем	<i>aprovecharse de algo</i> 'пользоваться чем-то'	(Ризванюк 1974: 197)
27.6	<i>його брат дирижирив</i> оброю (тв. п.), ср. укр. <i>керувати чим</i> (тв. п.)	его брат руководил работами	<i>dirigir algo</i> 'управлять чем-то'	(Ризванюк 1974: 216)
27.7	<i>кемувала собі ноги</i> окріпом (тв. п.), ср. укр. <i>обпикати чим</i> (тв. п.)	обожгла себе ноги кипятком	<i>quemar con algo</i> 'обжигать что- то чем-то'	(Ризванюк 1974: 233)
27.8	<i>я консидерару її за</i> свою дочку (за + вин. п.), ср. укр. <i>вважати за</i> <i>кого</i> (за + вин. п.)	я считаю ее своей дочерью	<i>considerar algo a alguien / como algo a alguien</i> 'считать кого-то кем-то'	(Ризванюк 1974: 238)
27.9	<i>Ніна не контестуе</i> на мої листи (на + вин. п.), ср. укр. <i>відповідати на</i> <i>листи</i> (на + вин. п.)	Нина не отвечает на мои письма	<i>contestar</i> 'отвечать'	(Ризванюк 1974: 238)
27.10	<i>мати конформаритсья</i> моєю робо- тою (тв. п.), ср. укр. <i>бути задоволеним</i> <i>чим</i> (тв. п.)	мать довольна моей работой	<i>conformarse con algo</i> 'быть довольным'	(Ризванюк 1974: 239)
27.11	<i>я дуже зкостумбра-</i> <i>рилась</i> до неї (<i>до</i> + род. п.), ср. укр. <i>зви-</i> <i>кати до чого</i> (<i>до</i> + род. п.)	я очень привыкла к ней	<i>acostumbrarse a algo</i> 'привыкать к чему-то'	(Ризванюк 1974: 241)
27.12	<i>я вже давно</i> <i>кумпірила</i> 55 років	мне уже давно исполнилось 55 лет	<i>cumplir</i> 'исполняться [о возрасте]'	(Ризванюк 1974: 242)
27.13	<i>як треба було</i> <i>получарити</i> за кусок хліба (<i>за</i> + вин. п.), ср. укр. <i>боротися за</i> <i>що</i> (<i>за</i> + вин. п.)	как нужно было побороться за кусок хлеба	<i>luchar por algo</i> 'бороться за что-то'	(Ризванюк 1974: 246)

27.14	кто за нього буде <i>преокупуватись</i> (за + вин. п.) ср. укр. <i>турбуватися за</i> <i>кого</i> (за + вин. п.)	кто о нем будет беспокоиться	<i>preocuparse</i> <i>por algo</i> 'беспокоиться о чем-то'	(Ризванюк 1974: 265)
-------	--	---------------------------------	---	-------------------------

Можно утверждать, что адаптация глагола неразрывно связана с синтаксическими отношениями в принимающем языке. Создается впечатление, что в большинстве случаев у информантов существует заранее заготовленная схема, оставшаяся от исконного глагола, которая впоследствии заполняется лишь заимствованными лексическими элементами. Сохранению такой схемы может способствовать определенный изоморфизм в предложном управлении между контактирующими языками. В ситуации ограниченной языковой компетенции эта схема может нарушаться, результатом чего являются необычные предложно-падежные сочетания при глаголах. Так, в примере 27.3 используется беспредложный род. п., тогда как при этом глаголе ожидается тв. п. В примере 27.12 мы можем наблюдать калькирование сочетаемости из испанского языка, ср. исп. *yo he cumplido 30 años*, укр. *мені сповнилося 30 років*, рус. *мне исполнилось 30 лет*. В примерах 27.4, 27.9, 27.13, 27.14 можно видеть совпадающую (в рамках соответствия предлогов и семантических свойств глаголов) сочетаемость в контактирующих языках. В случаях 27.5, 27.6, 27.8, 27.10, 27.11 очевидно сохранение синтаксических свойств глаголов-прототипов в украинском языке, тогда как в соответствии с испанскими аналогами можно было бы ожидать другие конструкции.

12. Заключение

В процессе адаптации испанских глаголов в украинских говорах стран Южной Америки наблюдаются все четыре модели, распространенные в языках мира и выделяемые Я. Вольгемумом: непрягая вставка, прямая вставка, неадаптированная вставка парадигмы и стратегия с использованием «легкого глагола» и существительного. В дополнение к существующим моделям предлагается выделить тип неадаптированного инфинитива, а также значимое отсутствие конкретной глагольной формы, обусловленное недостаточной языковой компетенцией в украинском языке. Следует учитывать одновременно несколько факторов при выборе информантом модели адаптации: частотность и семантику глаголов, принадлежность глаголов

к лексико-семантической группе «Сельское хозяйство», очень актуальной для изучаемого сообщества, частые грамматические формы, формальные показатели, например, количество слогов в исходном испанском глаголе. Думается, что изучение сочетания этих факторов позволит лучше понять выбор определенного адаптационного механизма. Не замечено корреляции между исходным говором информантов (поднестрровский диалект / южноволынские диалекты) и способами интеграции глаголов. Показательно, что среди заимствованной глагольной лексики есть как лексемы, которые не имеют аналогов в говорах информантов, так и аналоги базовой повседневной лексики, которые функционируют как синонимы¹⁷. Однако ни в одном из корпусов нами не было обнаружено ни бытийного глагола (*бути*), ни глагола обладания (*мати*), ни модальных глаголов (*мати, могли / мочи*). В говоре информантов может существовать сразу несколько моделей одновременно, находящихся на разных стадиях: с одной стороны находится исконный глагол, на другой – неадаптированная испанская глагольная одиночная форма. Тем не менее у многих информантов в принципе отсутствуют случаи заимствования глаголов. Прежде всего это пожилые люди, у которых супруг / супруга также владеет украинским языком. Включение расшифрованных материалов от польских информантов, имеющих в распоряжении автора, позволит расширить типологическую перспективу исследования и понять, актуальны ли выявленные закономерности для близкородственного польского языка. Также представляется перспективным изучение адаптации глаголов из другого близкородственного языка-источника, португальского, в речи потомков украинских переселенцев в Бразилии. Конкуренция адаптационных моделей испанских глаголов не является типичной только для украинского языка, отмечена она и в других близкородственных славянских языках, а также в немецком языке (в каждом из них с опорой на собственные ресурсы). На примере испанско-украинского взаимодействия можно видеть систему в становлении: какие изменения происходят в языковой системе (у глаголов) за сравнительно короткий с лингвистической перспективы временной отрезок.

---

¹⁷ Что является достаточно распространенным явлением в ситуации языковых контактов, например, в монгольских языках распространено заимствование уже существующих глаголов, в результате чего возникают дублиеты (Баранова 2020: 14).

Информанты

- Л-А., К. — Леандро-Алем, Аргентина, ж., 83 г.
 Г., А. М. — Гуарани, Аргентина, м., 79 л.
 О., М. Б. — Обера, Аргентина, ж., 85 л.
 Э., П. — Энкарнасьон, Парагвай, ж., 80 л.
 О., Н. В. — Обера, Аргентина, м., 78 л.
 Л-А., Каз. — Леандро-Алем, Аргентина, м., 85 л.
 Л-А., М. — Леандро-Алем, Аргентина, м., 84 г.
 Г., М. М. — Гуарани, ж., Аргентина, 75 л.
 О., Ч. — Обера, Аргентина, ж., 59 л.
 О., Ч. П. — Обера, Аргентина, м., 83 г.
 О., Т. М. — Обера, Аргентина, ж., 81 г.
 О., Г. Б. — Обера, Аргентина, м., 72 г.
 О., Ю. — Обера, Аргентина, ж., 85 л.
 О., Э. Ф. — Обера, Аргентина, ж., 79 л.
 О., Н. Вас. — Обера, Аргентина, м., 86 л.
 А., А. П. — Апостолес, Аргентина, ж., 73 г.
 А., Ю. — Апостолес, Аргентина, ж., 92 г.
 Л., А. Ч. — Ланусе, Аргентина, м., 74 г.
 О., П. — Обера, Аргентина, ж., 74 г.
 Э., Н. Б. — Энкарнасьон, Парагвай, ж., 76 л.
 П., О. Х. — Посадас, Аргентина, ж., 65 л.
 Э. П. П. — Энкарнасьон, Парагвай, м., 80 л.
 А., Н. — Апостолес, Аргентина, м., 85 л.
 Л-А., Ш. — Леандро-Алем, Аргентина, ж., 64 г.
 М., Б. Д. — Монтевидео, Уругвай, ж., 92 г.
 С-Х., Г. К. — Сан-Хавьер, Уругвай, м., 74 г.
 С-Х., С. К. — Сан-Хавьер, Уругвай, м., 92 г.

Источники и литература

АУМ 1988 — Атлас української мови. Том другий. Волинь, Надністрянщина, Закарпаття і суміжні землі / ред. Я. В. Закревська. Київ: Наукова думка, 1988. 522 с.

Баранова 2020 — *Баранова В. В.* Адаптация глагольных заимствований в монгольских языках // Урало-алтайские исследования. 2020. № 3 (38). С. 7–18. DOI: 10.37892/2500-2902-2020-38-3-7-18.

Бенакцьо 2018 — *Бенакцьо Р.* Интеграция заимствованных глаголов в славянскую видовую систему: резьянский диалект // Славистика. 2018. No XXII (I). С. 9–20.

Морозова, Русаков 2021 — *Морозова М. С., Русаков А. Ю.* Албанские глаголы в славянской билингвальной речи: между переключением кодов и адаптацией заимствований // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 74. С. 113–129. DOI: 1017223/19986645/74/7.

Нарумов 2001 — *Нарумов Б. П.* Испанский язык // Языки мира. Романские языки / отв. ред. И. И. Чельшева, Б. П. Нарумов, О. И. Романова. М.: Academia, 2001. С. 411–462.

Пилипенко 2017 — *Пилипенко Г. П.* Экспедиция к славянам в Южную Америку // Славянский альманах. 2018. № 1–2. С. 289–300.

Пилипенко 2021 — *Пилипенко Г. П.* Южноволынский диалект украинского языка в Аргентине: дневник переселенца из межвоенной Польши Кирилла Вознюка. М.: Индрик, 2021. 512 с.

Ризванюк 1974 — *Ризванюк С. О.* Испанізми в мовленні української трудової імміграції Аргентини: дис. ... канд. філол. наук. Київ, 1974. 294 с.

Ровнова 2022 — *Ровнова О. Г.* Старообрядцы Южной Америки. Очерки истории, культуры, языка. М.: Издательский дом ЯСК, 2022. 608 с.

Сапеляк 2008 — *Сапеляк О.* Українська спільнота в Аргентині: історико-етнологічний аспект. Львів: Червона Калина, 2008. 286 с.

Сапеляк 2011 — *Сапеляк О.* Парагвайці українського походження: церковно-громадське життя. Львів: Інститут народознавства НАН України, 2011. 160 с.

СГРУЯ 2003 — Сопоставительная грамматика русского и украинского языков / отв. ред. Н. Г. Озерова. Киев: Наукова думка, 2003. 534 с.

Сидоркевич 2014 — *Сидоркевич Д. В.* Язык ингерманландских переселенцев в Сибири (структура, диалектные особенности, контактные явления): дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2014. 380 с.

Ціпка 2013 — *Ціпка С.* Історія досліджень про українців Аргентини // Мовознавство. 2013. № 1. С. 203–205.

Arkhangelskiy 2019 — *Arkhangelskiy T.* Russian verbal borrowing in Udmurt // Folia Linguistica. 2019. No 53 (3). Pp. 519–552. DOI: 10.1515/flin-2019-2019.

Bittar Prieto 2021 — *Bittar Prieto J.* Spanish-Origin Verbal and Grammatical Borrowing in Paraguayan Guaraní. Albuquerque: University of New Mexico, 2021. 175 p.

Cipko, Lehr 2000 — *Cipko S., Lehr J. C.* Contested identities: Competing articulations of the national heritage of pioneer settlers in Misiones, Argentina // Prairie Perspectives: Geographical Essays, Winnipeg. 2000. No 3. Pp. 165–180.

Cipko, Lehr 2006 — *Cipko S., Lehr J. C.* Ukrainian settlement in Paraguay // Prairie Perspectives: Geographical Essays, Winnipeg. 2006. No 9. Pp. 31–46.

Halaštová 2021 — *Halaštová A.* Moravská nářečí u nejstarší generace mluvčích v argentinské provincii Chaco. Diplomová práce. Praha: Univerzita Karlova, 2021. 131 s.

Ladilova 2012 — *Ladilova A.* Kollektive Identitätskonstruktion in der Migration. Eine Fallstudie zur Sprachkontaktsituation der Wolgadeutschen in Argentinien. Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophie. Gießen, 2012. 228 s.

Moravcsik 1975 — *Moravcsik E.* Verb borrowing // *Wiener Linguistische Gazette*, No 8. 1975. Pp. 3–30.

Muysken 2000 — *Muysken P.* Bilingual speech: A typology of code-mixing. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 306 p.

Struk 2000 — *Struk D.H.* Between Ukish and Oblivion: The Ukrainian Language in Canada Today. 2000. Pp. 67–74. URL: www.utoronto.ca/elul/Struk-mem/Works/Between-Ukish.pdf (accessed: 12.08.2022).

Wohlgemuth 2009 — *Wohlgemuth J.* A Typology of Verbal Borrowings. Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. 459 p.

References

Arkhangelskiy, T. “Russian verbal borrowing in Udmurt.” *Folia Linguistica*. 2019, no. 53 (3), pp. 519–552. DOI: 10.1515/flin-2019-2019.

Atlas ukrains'koi movy. Tom drugyi. Volyn', Naddnistrianshchyna, Zakarpattia i sumizhni zemli, ed. by Ia. V. Zakrevs'ka. Kyiv: Naukova dumka, 1988, 522 p.

Baranova, V. V. “Adaptatsiia glagolnykh zaimstvovanii v mongol'skikh iazykakh.” *Uralo-altaiskie issledovaniia*, 2020, no. 3 (38), pp. 7–18. DOI: 10.37892/2500-2902-2020-38-3-7-18.

Benakk'o, R. “Integratsiia zaimstvovannykh glagolov v slavianskuiu vidovuiu sistemuu: rez'ianskii dialekt.” *Slavistika*, 2018, no. XXII (I), pp. 9–20.

Bittar Prieto, J. Spanish-Origin Verbal and Grammatical Borrowing in Paraguayan Guaraní. Albuquerque: University of New Mexico, 2021, 175 p.

Cipko, S., Lehr, J. C. “Contested identities: Competing articulations of the national heritage of pioneer settlers in Misiones, Argentina.” *Prairie Perspectives: Geographical Essays*, Winnipeg, 2000, no. 3, pp. 165–180.

Cipko, S., Lehr, J. C. “Ukrainian settlement in Paraguay.” *Prairie Perspectives: Geographical Essays*, Winnipeg, 2006, no. 9, pp. 31–46.

Halaštová, A. *Moravská nářečí u nejstarší generace mluvčích v argentinské provincii Chaco. Diplomová práce*. Praha: Univerzita Karlova, 2021, 131 s.

Ladilova, A. *Kollektive Identitätskonstruktion in der Migration. Eine Fallstudie zur Sprachkontaktsituation der Wolgadeutschen in Argentinien. Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophie*. Gießen, 2012, 228 s.

Moravcsik, E. “Verb borrowing.” *Wiener Linguistische Gazette*, 1975, no. 8. pp. 3–30.

Morozova, M. S., Rusakov, A. Iu. “Albanskije glagoly v slavianskoi bilingval'noi rechi: mezhdru perekliucheniiem kodov i adaptatsiei zaimstvovanii.” *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija*, 2021, no. 74, pp. 113–129. DOI: 10.17223/19986645/74/7.

- Muysken, P. *Bilingual speech: A typology of code-mixing*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000, 306 p.
- Narumov, B. P. "Ispanskii iazyk." *Iazyki mira. Romanskije iazyki*, ed. by I. I. Chelysheva, B. P. Narumov, O. I. Romanova. Moscow: Academia, 2001, pp. 411–462.
- Pilipenko, G. P. "Ekspeditsiia k slavianam v Iuzhniuu Ameriku." *Slavianskii Almanakh*, 2018, no. 1–2, pp. 289–300.
- Pilipenko, G. P. *Iuzhnovolynskii dialekt ukrainskogo iazyka v Argentine: dnevnik pereselentsa iz mezhoennoi Pol'shi Kirilla Vozniuka*. Moscow: Indrik Publ., 2021, 512 p.
- Rovnova, O. G. *Staroobriadtsy Iuzhnoi Ameriki. Ocherki istorii, kul'tury, iazyka*. Moscow: Izdatel'skii dom IaSK, 2022, 608 p.
- Ryzvaniuk, S. O. *Ispanizmy v movlenni ukraïns'koï trudovoï immigratsii Argentyny: dys. ... kand. filol. nauk*. Kyïv, 1974, 294 p.
- Sapeliak, O. *Ukraïns'ka spil'nota v Argentyni: istoryko-etnologichnyi aspekt*. L'viv: Chervona Kalyna, 2008, 286 p.
- Sapeliak, O. *Paragvaïtsi ukraïns'koho pokhodzhennia: tserkovno-gromads'ke zhyttia*. L'viv: Instytut narodoznavstva NAN, 2011, 160 p.
- Sidorkevich, D. V. *Iazyk ingermanlandskikh pereselentsev v Sibiri (struktura, dialektnye osobennosti, kontaktnye iavleniia). Dissertatsiia na soiskanie ichenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk*. St Petersburg, 2014, 380 p.
- Sopostavitel'naia grammatika russkogo i ukrainskogo iazykov*, ed. by N. G. Ozerova. Kyïv: Naukova dumka, 2003, 534 p.
- Struk, D. H. "Between Ukish and Oblivion: The Ukrainian Language in Canada Today." 2000, pp. 67–74. URL: www.utoronto.ca/elul/Struk-mem/Works/Between-Ukish.pdf (accessed: 12.08.2022).
- Tsipko, S. "Istoriia doslidzhen' pro ukraïntsiiv Argentyny." *Movoznavstvo*, 2013, no. 1, 2013, pp. 203–205.
- Wohlgemuth, J. *A Typology of Verbal Borrowings*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2009, 459 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2023.1-2.2.01

G. P. Pilipenko

**Adaptation of verbs borrowed from Spanish in the speech
of descendants of Ukrainian immigrants living in South America**

Gleb P. Pilipenko

Candidate of Letters, senior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: glebpilipenko@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5422-0039

Citation

Pilipenko G. P. Adaptation of verbs borrowed from Spanish in the speech of descendants of Ukrainian immigrants living in South America // *Slavic Almanac*. 2023. No 1–2. P. 193–230 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.2.01

Received: 19.08.2022.

Abstract

The paper discusses models and strategies for the adaptation of verbs borrowed from Spanish into the migrant dialects of the Ukrainian language spoken in South American countries. There are models in which the Spanish verb is borrowed with the Spanish infinitive ending and without it. The reasons behind choosing one of the models in the speech of descendants of Ukrainian immigrants are investigated. It is stated that one must take into account a set of criteria that affect this process (the frequency of lexemes, their semantics, the number of syllables, etc.). The paper identifies new types of adaptation of borrowed verbs that have not been previously discussed in linguistic publications. The cases of bare use of verbal lexemes in the speech of informants are also analyzed. Examples of the aspect pairs from borrowed Spanish verbs are discussed. This category is in the process of grammaticalization. In some cases, when forming an aspect pair with a prefix, informants apply prefixes inherent to the respective verbal prototypes in their native dialect. The copying of verb control from both Ukrainian and Spanish when using a borrowed verb is also attested. Using the example of the Ukrainian-Spanish bilingualism in the migrant community living in South American countries for a little more than a century, we have the opportunity to observe the changes that occur in the Slavic verbal system under the influence of the dominant Romance language.

Keywords

Verb, adaptation, borrowing, Ukrainian language, Spanish language, South America.